

Цзи Юи думала, что ее четвертый сын любит путешествовать только потому, что в его доме нет хозяйки. Если бы у него появилась жена, у него появилась бы привязанность, и он стал бы чаще оставаться в столице.

— Пока нет, матушка. Зачем вы об этом говорите? Третий брат ведь тоже еще не женился.

Ань Цзинжуй сказал это, и его взгляд невольно отстранился от Цзи Юи. Каждый раз, когда он возвращался во дворец, мать начинала говорить с ним о женитьбе, что было очень утомительно.

И действительно, как только она услышала это, выражение лица Цзи Юи изменилось. Она указала пальцем на лоб Ань Цзинжуя:

— У твоего третьего брата нет главной супруги, но в его доме уже есть наложница и две второстепенные жены. Главную жену он может подождать. А ты посмотри на себя! Не то что наложницы, у тебя даже служанки для утех нет. Какой еще взрослый принц живет так, как ты?

— Старший брат тоже не имеет...

Последнее слово Ань Цзинжуй не договорил, так как лицо Цзи Юи стало крайне недовольным. Увидев, как мать сразу нахмурилась, он почесал нос.

Действительно, мать всегда не любила старшего брата, а он привел его в пример, что, конечно, могло ее разозлить.

— Ты и он — не одно и то же! У него нет матери, так что и ты должен быть как он?

Цзи Юи посмотрела на Ань Цзинжуя с укором, и ее голос стал строже.

— Как раз послезавтра будет дворцовый пир, и министры приведут своих дочерей. Ты сам посмотри хорошенько. Если никого не выберешь, не вини матушку, если я сама начну подбирать тебе невесту!

Сказав это, Цзи Юи не дала Ань Цзинжую возможности возразить. Она помахала рукой и встала с кушетки.

— Матушка устала. Ступай!

Это был первый раз, когда Ань Цзинжуй услышал от Цзи Юи такие резкие слова. Это ясно показало, насколько серьезно она относится к этому вопросу. Действительно, редко можно встретить принца, который к двадцати годам еще не женился. Многие в пятнадцать-шестнадцать лет уже имели наложниц.

У наследного принца до сих пор не было ни одной женщины в доме, главным образом потому, что императрица рано умерла, а император и драгоценная наложница не уделяли внимания его делам. Юй Чжэнси, его дед по материнской линии, хотя и был старшим, не мог вмешиваться в личные дела внука. Так все и затянулось до сих пор.

Похоже, на этот раз не удастся избежать этого. Думая о том, как мать отреагировала, Ань Цзинжуй покачал головой, но особого беспокойства не испытывал. Неизвестно, было ли это из-за его безразличия или по какой-то другой причине.

...

Наступило двадцать девятое число двенадцатого месяца. Лу Яньси с самого утра был в состоянии крайнего беспокойства. Причина была проста: каждый год в этот день проводился дворцовый пир. Министры пятого ранга и выше приводили своих взрослых детей, так как это была отличная возможность для заключения браков. Приводить взрослых детей нужно было для того, чтобы лучше присмотреться к возможным партнерам.

В предыдущие годы Лу Яньси не участвовал в пире. Во-первых, он не питал особой симпатии к императорскому дворцу. Во-вторых, в свои семнадцать лет он еще не достиг совершеннолетия, и Юнь Вань боялась, что Лу Яньси, привыкший говорить без оглядки, может наделать шума на пире, поэтому не брала его с собой.

Но в этом году все было иначе. Не говоря уже о том, что Лу Яньси уже был обручен с наследным принцем и как будущий супруг наследного принца должен был присутствовать на пире, по традиции перед свадьбой Ань Цзинсин и Лу Яньси должны были встретиться. Кроме того, в приглашении, которое император отправил Лу Юаню, было специально указано, чтобы Лу Яньси присутствовал.

Если не считать того раза, когда Ань Цзинсин пришел в резиденцию генерала, когда Лу Яньси притворился больным, это была их первая встреча в этой жизни. В тот раз Лу Яньси не знал о приезде Ань Цзинсина и большую часть времени находился в бессознательном состоянии, поэтому не испытывал особого волнения. Но на этот раз это была настоящая первая встреча!

Думая об этом, Лу Яньси не мог успокоиться. Хотя пир начинался только в шесть часов вечера, он встал рано утром, в шесть часов, и начал перебирать свой гардероб, пытаясь найти самый подходящий наряд.

— Гуань Янь, как тебе это?

Лу Яньси вышел из-за ширмы, одетый в красное, как обычно. Единственное отличие от предыдущего наряда заключалось в узоре на рукавах.

Гуань Янь, глядя на своего хозяина, который был одет в более тонкую одежду, чем обычно, едва сдерживал желание закатить глаза. Его голос звучал устало:

— Очень красиво, но, господин, это уже девятый наряд, который вы примеряете. Позвольте заметить, я не вижу разницы между этими девятью нарядами.

Нельзя винить Гуань Яня за такие слова. Причина была слишком проста: Лу Яньси с утра менял одежду снова и снова, но все девять нарядов были красного цвета.

Красный цвет занимал особое место в сердце Лу Яньси. В прошлой жизни, когда он женился, он не хотел надевать свадебный наряд, даже если Ань Цзинсин прислал ему мужской вариант свадебного платья. Но в его сердце была обида, и он не хотел надевать его. Это стало большим сожалением для Ань Цзинсина, и к моменту смерти Лу Яньси он так и не успел показать ему, как он выглядит в красном.

Возможно, из-за сожаления в прошлой жизни в этой жизни он хотел восполнить это. Кроме того, благодаря своей внешности Лу Яньси действительно хорошо выглядел в красном, и он больше не снимал его.

— Что за у тебя взгляд! Конечно, они разные! У первого узор на рукавах — роза, у второго — слива, у третьего — бамбук, а у этого — лотос... Ладно, тебе все равно не понять!

Увидев, как Гуань Янь выглядит измученным, Лу Яньси махнул рукавом и снова посмотрел в зеркало. Затем он посмотрел на кучу одежды на кровати и с трудом принял решение: остановиться на этом наряде.

Выбрав одежду, Лу Яньси открыл другой ящик, в котором лежали ленты для волос разного размера. Он то смотрел на одну, то на другую, пытаясь выбрать наиболее подходящую, но никак не мог решиться.

Когда Лу Яньцзэ вошел в комнату Лу Яньси, он увидел следующую картину: Гуань Янь сидел за столом с видом полного отчаяния, на кровати лежало восемь или девять нарядов, на столе были разбросаны мелкие аксессуары, а сам Лу Яньси стоял перед зеркалом, делая что-то непонятное.

— Младший брат, что ты... что ты делаешь?

Увидев это, Лу Яньцзэ чуть не подпрыгнул от удивления. Можно было подумать, что в комнате Лу Яньси побывал вор.

Услышав голос старшего брата, Лу Яньси обернулся, и его глаза загорелись:

— Старший брат, ты как раз вовремя! Помоги мне выбрать, какая лента подойдет лучше? Лента с узором лотоса хорошо сочетается с одеждой, но не покажется ли это неуместным? А эта слишком простая?

Сказав это, Лу Яньси помахал в руке лентой без вышивки, не дожидаясь ответа Лу Яньцзэ, и продолжил:

— А еще веер, как думаешь, какой лучше — с костяной ручкой или бамбуковой?

Лу Яньцзэ, который никогда не менял стиль одежды и прически, был озадачен. Если бы младший брат спросил его о военной тактике или боевых приемах, он бы сразу ответил. Но выбор одежды и аксессуаров...?

Думая об этом, Лу Яньцзэ посмотрел на Гуань Яня с вопросом: с третьим молодым господином что-то не так?

— Господин встал в шесть утра и каждые полчаса менял одежду... Сейчас он выбирает ленту, — объяснил Гуань Янь, выглядевший измученным. Неудивительно, ведь сегодня Лу Яньси был особенно активен.

Хотя старший брат знал, что младший любит красиво одеваться, но такая частая смена нарядов была для него в новинку, и он не мог не беспокоиться:

— Младший брат, что с тобой?

— Да ну тебя! Мужчина украшает себя для того, кто ему дорог! Старший брат, как ты этого не понимаешь? Боюсь, невестка потом будет тебя ругать!

Лу Яньси махнул рукой, продолжая рассматривать ленту. Это была их первая встреча с Цзинсином, и он должен был выглядеть идеально.